

Лифт долго не приходил, и Никита успел вернуться в номер за блокнотом. Из-за соседних дверей доносились глухие голоса, смех, задумчиво бормотала гитара. Прибежав на заставленную фикусами площадку, запыхавшись, Никита ослабил шарф, расстегнул пальто, еще раз ткнул пальцем в белую кнопку и присел на край широкого кожаного дивана.

Тут же гул в одной из шахт стал громче, приблизился, что-то грюкнуло, и справа разъехались в стороны блестящие металлические двери. Никита встал, поправил шарф и шагнул в ярко освещенную кабину, в которой уже стояли трое.

— Здравствуйте, — поздоровался Никита.

Ему ответили.

Двери сомкнулись, кабина загудела, и по кнопкам этажей, перешагивая из одного столбика в другой и обратно, зашагал неторопливо огонек.

Трое разговаривали.

— Во что бы мы ни играли в детстве, — говорила девушка, похожая на Алису Селезневу из советского фильма, — проигравший всегда ел сирень.

Ее спутники — долговязые, лохматые, один в очках, один без очков — фыркали.

Никита знал в лицо всех троих — прозаики с семинара «Юности». «Юность» заседает в продуваемом сквозняками отделе иностранной литературы, позавчера, в первый день форума, Никита заблудился в лабиринтах библиотеки и вместо своего семинара вышел к ним, застал бурное обсуждение — «Юность» почему-то начинала раньше всех.

— Сирень? — переспрашивал долговязый-в-очках.

— Листья, — поясняла Алиса Селезнева, — ужасно горькие, челюсти сводит.

— Мы тоже их ели, — подтверждал долговязый-без-очков, — тоже в качестве наказания.

— А вы? — спросила Алиса Селезнева Никиту. — Ели?

Никита, следивший за путешествием огонька по кнопкам, растерялся.

— Что?

— Сирень? Ели?

— Нет, я не ел, — смущенно ответил он.

На пятом лифт впустил в кабину еще несколько человек. Огонек шагнул на четверку, с нее сразу на двойку — кнопки третьего этажа почему-то не было, за четвертым шел второй — нехотя ступил на единицу и остановился. Двери разъехались, Никита пропустил всех и вышел в просторный шумный холл, затягивая потуже шарф.

Играла музыка, у стойки толпились новоприбывшие — с чемоданами и свертками — от ресторана доносился мелкий перезвон, пахло едой — кто-то еще ужинал. Троица во главе с Алисой Селезневой направилась к широким стеклянным дверям, Никита двинулся за ними, держась в некотором отдалении.

— У нас проигравшие тоже ели, — говорил долговязый-в-очках, пряча дужки очков под шапку. — Только не сирень, а бумагу.

Алиса Селезнева навалилась на дверь, с трудом открыла ее, в проем ударил ветер. Долговязые подперли дверь собой, пропустили Никиту, вышли следом.

— Бумагу все ели, — говорил долговязый-без-очков, — и проигравшие, и победители.

— Картон на вафли похож, — серьезно сказала Алиса Селезнева, оборачиваясь и закрываясь от ветра.

Было совсем темно, вдоль широкой улицы горели фонари, по дороге плыли туда-сюда огни фар. Во все стороны хлестал холодный тугой ветер — с Волги. Никита пообещал себе завтра же купить шапку.

«После завтрака, — думал он, поднимая воротник и втягивая голову в плечи, — после завтрака пойду за шапкой».

Дома было куда как теплее, уезжал он из золотого бабьего лета — тихого, солнечного. Шарф взял только через уговоры жены — кинул на дно чемодана, не рассчитывая на то, что пригодится.

Пока стояли перед зеброй, один из долговязых рассказывал, что, кроме сирени и бумаги, в детстве ел муравьев.

— Ну, как ел, — поправлялся он, — мы их лизали. Кислые такие.

— Было дело, — соглашался второй. — Кислые.

— Потому что муравьиная кислота, — пояснила Алиса Селезнева и шагнула на зебру — над переходом перебирала ножками зеленая фигурка.

Прошли вдоль дороги, свернули к краеведческому музею, пересекли ледяную блестящую площадь. На площади ветер завивался вихрями, катал бумажки, разбрасывал жидкую листву, подвывал, протискиваясь между колоннами музея.

Поющий фонтан — вчера пел! — спал. Из невысокого поста-мента торчали блестящие черенки труб.

— У нас один стрекозу съел, — говорил долговязый-в-очках, — засушенную. Зачем-то.

Все скривились, какое-то время шли молча, потом долговя-зый-без-очков протянул задумчиво:

— А мы траву такую... — он защелкал пальцами, вспоминая. — Название такое... Сладкая, на мяту похожа...

Он посмотрел на Алису Селезневу, перевел взгляд на Никиту. Никита покачал головой.

От музея до библиотеки было рукой подать — пошли через аллею, свернули, еще раз свернули — дорога уходила вниз под наклоном, впереди была Волга, и казалось, что улицы стекаются

к реке, чтобы в нее впасть. Никита вытягивал шею, смотрел вниз, но там все таяло — только редкими искорками мерцали в темноте огни далекого противоположного берега, и казалось, что они висят в воздухе.

На улицах было пусто, ветер гнул голые кусты, заламывал ветви деревьям, дул Никите в лицо — и у Никиты слезились глаза. Долговязые шли, опустив головы на грудь, и только Алиса Селезнева шагала решительно и бодро, врезаясь в ветер, как ледокол.

— Вспомнила! — крикнула она сквозь свист и обернулась, заблестела глазами. — Гудрон жевали! Гудрон!

Долговязые закивали, не поднимая голов:

— Гудрон, гудрон, да.

Впереди светились окна библиотеки. Никите вдруг вспомнился давно позабытый стишок, который он учил наизусть в... четвертом классе? Третьем?

— Мальчик Вова пяти лет... — зашептал Никита, уворачиваясь от ветра, — съел автобусный билет... Папа деньги заплатил... А он взял, — Никита улыбнулся и вытер набежавшие на глаза слезы, — и проглотил.

Никите вдруг стало радостно — и до самой библиотеки он шел, улыбаясь, подхватывая со дна памяти одну строчку за другой.

— А у нас один сосед, — шептал он одними губами, — взял и съел велосипед... Видно, в доме не хватало витаминов и металла...

Улыбался он, пропуская вперед Алису Селезневу с долговязыми, улыбался, сдавая пальто в гардероб, улыбался, выбирая себе место в актовом зале, и только когда к нему подошла ведущая и спросила, будет ли он сегодня выступать, улыбаться перестал.

— Не знаю, — ответил он, глядя в строгие глаза за очками, — пока не могу сказать.

Ведущая прищурилась и вернулась к микрофону, стоящему в центре импровизированной сцены.

— Друзья! — воскликнула она. — Еще три минуты и начинаем! Если кто-то хочет выступить, подойдите ко мне, я вас запишу!

В зале было шумно и светло, сияли под потолком две огромные люстры, играла музыка, форумчане рассаживались, толпились в дверях, высматривая знакомых, махали друг другу руками,

лезли обниматься, делились впечатлениями от семинаров, шептались о том, что кто-то опять расплакался, а кто-то даже собрался домой.

За высокими окнами раскачивались бледные голые кроны — на них ложился свет люстр — жались к стеклу, дрожали, тянули тонкие ветви. Казалось, что деревья тоже хотят послушать смельчаков, записавшихся на «Свободный микрофон».

Музыка стала тише, на сцену снова вышла ведущая — со вступительным словом — объявила вечер открытым, села в первый ряд, и к микрофону стали по очереди подходить молодые поэты: кланяться, покашливать, читать стихи, глядя кто на стену, кто на потолок, кто на выбранного наугад слушателя. Один умудрялся коситься на окно, из-за которого ему кивала одобрительно бледная крона. Некоторые читали спокойно и уверенно — переводя взгляд с одного лица на другое или вообще закрыв глаза.

Никита слушал с большим интересом, и какие-то стихи ему очень понравились — он даже записал в блокнот три-четыре фамилии — но когда ведущая обернулась и с первого ряда вопросительно посмотрела на него, он замотал головой. Никита стеснялся своих стихов, они казались ему неуклюжими, неточными, слишком многословными — и он завидовал смелости выступающих.

К тому же он вдруг принялся шмыгать носом.

«Не продуло ли? — забеспокоился он. — Этого еще не хватало».

И он стал корить себя за то, что не взял шапку — или не купил в первый же день, пожалел денег, понадеялся на то, что потеплеет.

Когда Никита в очередной раз шмыгнул, его сосед — молодой парень с тонкими гусарскими усиками — вздохнул и, не сводя глаз с выступающего, отодвинулся на край своего стула. Потом кто-то спереди оглянулся и посмотрел неодобрительно — и Никите стало казаться, что в центре внимания не поэт у микрофона, а он со своим носом. Он старался не подавать виду, но покраснел, сидел как на иголках и все шмыгал — а когда ведущая объявила перерыв, вышел из зала одним из первых, взял в гардеробе пальто и заспешил в гостиницу.

Ветер усилился, но теперь не трогал лицо, а толкал в спину — и идти было сподручнее. Никита шагал, спрятав руки в карманы, согнувшись, и шептал:

— Вдруг опасен и хитер... В дверь заходит контролер... Ваш билетик... Нет билета...

И Никита опять улыбался стихотворению — и на душе у него тепло.

Издали он слышал, как играет на площади у краеведческого музея музыка — запел фонтан. Никита прислушался и узнал «Вальс неземного счастья». Аллея заканчивалась, серым китом выплывало из-за угла здание музея, и вальс становился все громче, а когда Никита, наконец, вышел на площадь и вокруг него закружился, вздыхая, холодный ветер, вальс брал самую высокую ноту, фонтан вскидывал сияющие разноцветные брызги, вил из воды ленты, запуская их спиралями, вязал в узлы. Ветер подхватывал, рассыпал жемчугом.

Никита замер, потом зашагал через площадь — кроме него здесь никого не было — свернул, подошел к фонтану вплотную и стоял, сунув руки в карманы, съезжившись, озаряемый разноцветными вспышками. Вода взмывала, кружилась и с плеском билась об асфальт, ветер рванул в сторону, и до Никиты долетели мелкие ледяные капли — как песок — укололи лоб, щеки. Никита сделал шаг назад, и стоял, шмыгая носом, замороженный, пока не понял, что совсем продрог — тогда он засеменял к дороге, то и дело оборачиваясь, прислушиваясь, едва не пропустил зеленый свет над зеброй, и даже на крыльце гостиницы, перед тем как дернуть на себя тяжелую дверь, дважды вставал на цыпочки и вытягивал шею, но из-за музея фонтана видно не было, а может быть, он уже отпел положенное и выключился.

Поднявшись в номер и бросив на кровать пальто, Никита первым делом нырнул в чемодан и долго искал кружку, которую его тоже уговорила взять жена, а когда нашел, хлопнул дверью и зашагал по коридору к кулеру. Кулер жался в угол на площадке перед лифтом, булькал круглыми пузырями и шипел, наливая в кружку кипяток.

На кожаном диване уместились человек пять — не меньше. Сидели, стиснутые друг другом — только двое по краям могли шевелить руками, по одной на брата. Еще четверо стояли. Шумно спорили — Никита прислушался — о современной детской литературе. Из лифта на площадку то и дело высыпались новые

компании, разбредались по этажу, хлопали дверями. В коридоре было шумно, гитара бренчала жизнерадостно, ей подпевали сразу несколько голосов.

В номере Никита заварил чай — жаль, нет лимона! — и написал жене, что может говорить. Потом включил телевизор, попрыгал с канала на канал, выключил, стянул с тумбочки блокнот, ручку, сел у окна и стал что-то писать, поглядывая на дымящийся стакан. Потом дотянулся до чемодана, нащупал в нем фляжку с коньяком, свернул крышку, зажмурился, сделал два больших глотка.

За окном далеко внизу — двадцать первый этаж! — сияли улицы, путались, переплетались, подсвечивали стены домов, блестящие крыши автомобилей и вдруг обрывались ровным полукругом, за которым вставала и опрокидывалась в зенит сплошная непроглядная тьма. И через эту тьму тянулась слева направо ровная ниточка огней, точно бисер на леске, — мост через Волгу. У края окна бисер рассыпался и раскатывался в стороны — так выглядел ночью противоположный берег.

Никита придвинул стакан и стал цедить чай, глядя за окно. Время от времени он склонялся над блокнотом и писал — медленно, аккуратно, выводя и закругляя каждую букву — или зачеркивал что-то из написанного — так же медленно расчерчивая поперх букв ровную линию. Потом ходил по комнате и бормотал, дирижируя ручкой. Потом повалился на кровать и лежал, закинув руки за голову, глядя в потолок, шмыгая и улыбаясь чему-то, пока не завибрировал на подоконнике телефон.

— Ты как-то гундосишь, — говорила жена. — Не простыл?

— Не-ет, что ты, — протянул Никита.

И поправился:

— Немножко.

Жена припомнила, с каким трудом шарфу удалось попасть в чемодан.

— Купи шапку, — строго сказала она.

Никита согласился, помолчали немного.

— Ну что, — спохватилась жена, — тебя разбирали?

— Послезавтра.

— Бедненький, волнуешься, наверное.

При мысли о разборе по спине Никиты побежали мурашки.

— Нет, что ты, — сказал он, переводя дух, — чего волноваться?

И чтобы переменить тему он стал рассказывать про то, как вспомнил потешное стихотворение из детства — про мальчика, который съел билет.

— Я учил его, — говорил он, — классе в четвертом, может, даже третьем. Представляешь? Сто лет не вспоминал, не думал даже — а тут раз! И как на ладони!

— Это потому что ты поэт.

Никита смущенно засопел.

— Я всем в парке рассказываю, куда ты поехал.

Никита засопел сильнее и перевел тему:

— Как погода у вас?

Жена мечтательно вздохнула.

— Красота. Все в золоте, еще теплее стало.

Никита посмотрел за окно.

— А тут ветер — ужас, с Волги... — он запнулся. — Волга — ты себе не представляешь! С двадцать первого этажа! Вид!

За стеной заиграла музыка, в коридоре послышался топот.

— Тебе хоть нравится? — спросила жена. — Самому?

— Нравится, конечно! — тон его потеплел. — Как малыш?

— Спит. Только уложила — разыгрался, не угомонить.

На том конце провода взвизгнул и тут же замолчал чайник.

— Вот, — сказала жена, — пью чай, умываюсь и спать.

Никита услышал, как скрипнула дверца шкафа, звякнула о сахарницу ложка. Он представил себе светлую кухоньку с окнами на парк, в оранжевых фонарях, чайник на плите, мягкие качельки в углу, вспомнил, как пахнет присыпка, свежевыглаженные пеленки, детский шампунь — и в груди у него сладко заныло. Он стал расспрашивать, ходить по номеру и смеяться — почему-то смущаясь.

— Ты дописал? — спросила жена.

Никита, посмотрел на блокнот.

— Кажется, дописал.

— Прочтешь?

Никита взял блокнот, зажал телефон плечом, освободившейся рукой подхватил ручку и, читая, стал ей дирижировать.

— Очень красиво, — сказала жена, когда он закончил. — Поздравляю, Никиша.

Никита снова засопел, принялся грызть ручку, шмыгнул.

— Ты только не разболейся, хорошо?

Никита заверил, что не разболеется, и они еще какое-то время говорили — обсуждали дорогу домой, меняли одну за другой темы, делились новостями. Никита рассказывал о программе, о семинарах, о меню, о том, что кто-то опять плакал, о «свободном микрофоне», о выпускниках литинститута, а когда попрощались и телефон замолчал, ему стало так тоскливо, что он не удержался, открыл флягу и сделал еще два глотка.

До поздней ночи на этаже было шумно — хрипела, надрываясь, гитара, по коридору взад-вперед грохотали шаги, за стеной спорили, кто-то декламировал стихи.

Под утро Никита проснулся — в горле першило. Долго ворочался, потом нащупал телефон — начало шестого — сел, влез в джинсы, подхватил кружку и пошел к кулеру.

В коридоре стояла густая мягкая тишина — только где-то далеко внизу, за два или три этажа, едва слышно жужжало. Никита шел почти бесшумно — шаги пружинили от ковра, отзывались приятным шорохом, и было непонятно, как вчера кто-то мог так топотать. Кулер булькнул разбуженный, прошипел над кружкой, Никита вернулся в номер, расковырял чайный пакетик, но потом просто разбавил кипяток и стал пить маленькими глотками, прислушиваясь к ощущениям.

В щель между шторами лилось голубое свечение, Никита растянул их и залюбовался. Синий сумрачный город, в котором дома сливались друг с другом и таяли, испещренные черными точками окон, неподвижный и молчаливый, обнимала синяя, невообразимо широкая, раскидывающаяся до самого горизонта Волга, а над ней уходило ввысь холодное прозрачное небо, заставленное темными — тоже синими — облаками. На всем лежал отпечаток той удивительной утренней тишины и невесомости, который трудно описать словами, когда кажется, что все — и дома, и деревья, и небо, и земля — спит крепким, глубоким сном в ожидании нового дня и даже видит какие-то причудливые сны.

На горизонте, там, где Волга касалась грузных облаков, сияла тонкая алая полоса — вытягивалась в струну, уходила за тот берег, проливалась мягкими розовыми бликами.

Никита допил воду и еще несколько минут стоял, всматриваясь, боясь моргнуть. На Волге лежала мелкая серебряная рябь, мерцала песком. Никита посмотрел на часы, прикинул, сколько осталось до завтрака, как будто через силу оторвался от окна, лег, закутался в одеяло до самого подбородка, поджал колени к животу и почти сразу уснул.

Проснулся он в половину девятого, долго не мог заставить себя подняться, хмурился, отворачивался от незашторенного окна, словно спасательный круг, обхватывал обеими руками подушку, но потом вспомнил, что до семинара надо успеть разжиться шапкой, собрал волю в кулак, отбросил одеяло и побежал чистить зубы. Горло было как будто получше. В коридоре звучали голоса, стрекотал фен, слышно было, как ползает по шахте лифт.

Утро выдалось пасмурное, над городом катились мутные облака, рассыпались бахромой — так низко, что Никите казалось: откроет окно, протянет руку и зацепит пятерней влажный клочок. Волга лежала угрюмая, в металлическом блеске, вместе с горизонтом таяла в сером мареве. По мосту тянулись точки автомобилей. Лифт опять долго не приходил, потом останавливался на каждом этаже, собирая попутчиков, и когда огонек слез на единицу, в кабине яблоку было некуда упасть — а в ресторане вообще, казалось, собрался весь город. Никита с большим трудом нашел себе место, отстоял несколько очередей — к каждой перемене блюд, самая длинная у сладостей — и на цыпочках прокрался через толпу, держа на вытянутых руках поднос с завтраком.

За столом семинаристы «Иностранной литературы» обсуждали Воннегута. Никита слушал с большим интересом, но сам не высказывался — если его вдруг о чем-то спрашивали, он не решался говорить с набитым ртом и отвечал знаками: кивал, если был согласен, качал головой, если нет, и пожимал плечами, если сомневался. В ресторане стоял невообразимый гвалт, каждый стол говорил о чем-то своем, звенели вилки, ложки, скрежетали по плитке придвигаемые стулья. Никита нашел глазами вчерашнюю тройцу — Алиса Селезнева и долговязые сидели в углу,

у окна, Алиса что-то увлеченно рассказывала, размахивая бутербродом, долговязые жевали. По ресторану ходили с подносами редакторы журналов, перед ними толпа почтительно расступалась.

Семинаристы «Иностранной литературы» вдруг как-то разом закончили завтракать, оборвали обсуждение на полуслове, снялись с места и, пожелав Никите приятного аппетита, исчезли. На их место приземлился сухонький старичок, похожий на древнегреческого философа — если бы древнегреческие философы носили клетчатые рубашки с коротким рукавом. Старичок кивнул Никите, оставил на столе газету и пошел за подносом. Шум в ресторане усилился: схлынула первая волна позавтракавших — половина столов разом опустела, в дверях образовался затор.

Никита, обжигаясь, допил чай, оглянувшись по сторонам — старичок задумчиво смотрел на кофе-машину — подхватил ложкой два лимонных кругляша, желтеющих на дне чашки, кинул их в рот, тщательно разжевал и проглотил вместе с кожурой — в кожуре, знал он, хранится богатая витаминами цедра. Кожура была горькая и очень душистая. Никита вылез из-за стола, пожелал приятного аппетита бредущему с подносом старичку и в составе второй волны позавтракавших покинул ресторан, задержавшись у вешалки в поисках своего пальто.

Позавтракавшие рассыпались в разные стороны — одни бросились к лифтам, другие осели на диванчиках в холле с распечатками и блокнотами, третьи — Никита оказался в их числе — протиснулись через не желавшие открываться стеклянные двери и, жмурясь, прячась в воротники, шатаясь от налетающего ветра, заспешили кто куда по широкому серому крыльцу. Никита, подняв воротник до ушей, чуть ли не бегом побежал вдоль гостиницы, свернул за угол, выдохнул — тут ветер был слабее — сунул руки в карманы и направился к торговому центру, возвышающемуся в отдалении.

Ветер свирепствовал, тряс бедные деревья, волочил по тротуару газетные развороты, обертки и окурки, сморщенную листву. По небу кубарем неслись, спотыкались, догоняли друг друга, толкались плечами серые облака. Люди на улицах были одеты по-зимнему — во всяком случае, без головного убора щеголял один Никита. Последние пятьдесят метров до крыльца он уже

откровенно бежал — в два прыжка одолел ступени и не стал ждать, пока двери соизволят разъехаться в полную ширину, а нырнул в образовавшуюся щель, зацепившись ботинком и едва не повалившись на пол под ноги охраннику.

Спустя пятнадцать минут он уже спускался со второго этажа на длинном неспешном эскалаторе, прижимая к груди новую аккуратную светло-серую шапку-ушанку, подбитую гладким искусственным мехом. Шапка приятно мялась в руках, щекотала ладони и удивительно вкусно пахла — Никита даже позвонил жене и похвастался покупкой.

Оказавшись на первом этаже, он не пошел сразу к дверям, а свернул в расположившийся тут же минимаркет — за лимоном, на вечер. Спрятал шапку в камеру хранения и долго плутал между рядами, прежде чем нашел нужный отдел.

Кроме лимона — тяжелого, ослепительно-желтого, с толстой прохладной кожурой, — он купил коробку печенья и шоколадный батончик. А на кассе встретил одного из долговязых — того, что в очках. Он выкладывал на ленту продукты из корзины и все не мог определиться — с каким вкусом жвачку ему покупать?

— Лимон! — удивленно сказал он, обернувшись на Никиту.

— К чаю. Простыл немного.

Долговязый понимающе кивнул, расплатился и стал сгребать покупки в пакет.

— На семинары? Или в гостиницу? — спросил он Никиту, прикидывая, выдержит ли пакет.

— На семинары.

Долговязый расплылся в улыбке.

— Тогда пошли вместе — веселее.

Никита согласился, что вместе — всяко веселее, пробил лимон и сладости, освободил шапку из камеры хранения и сразу надел ее, опустив мохнатые уши к воротнику. Долговязый свою натягивал на крыльце, качаясь на ветру, как деревце.

Первую половину пути долговязый что-то увлеченно рассказывал — размахивал руками, хлопал Никиту по плечу, забегал вперед, заглядывая в лицо, но Никита, как ни старался, не мог на нем сосредоточиться: во-первых, долговязый говорил слишком сумбурно, менял тему по щелчку пальца или принимался

заворачивать какую-то совсем уж сложную филологию, сыпать фамилиями и терминами; во-вторых, Никита думал о шапке — наслаждался тем, что ветер не сечет больше по ушам, не сует свои пальцы за шиворот, не ставит дыбом волосы. В ушанке было тихо и тепло, мех гладил щеки, спускался, косматый, к бровям, и сквозь прекрасные, замечательные уши все слышалось, как сквозь вату, — и гул автомобилей, и голос долговязого, который оборвался, когда вышли на проспект, ближе к Волге, и ветер засвистел, завыл, ударил таким мощным потоком, что пакет со сладостями затрепыхался в руках Никиты, как живой.

Долговязый натянул шапку на очки, опустил голову на грудь, наклонился и так, под углом, двинулся вперед. Никита сперва задохнулся, зажмурился, хотел по привычке съежиться, но потом вспомнил про шапку и зашагал ровно, прямо, глядя перед собой. К месту вспомнилось стихотворение про билет — и Никита зашептал довольно:

— А наш Петенька, к примеру... Ест опилки и фанеру...

К библиотеке шли другой дорогой, не так, как вечером, огибали аллею с противоположной стороны. Встречались форумчане — каждый искал свой способ справиться с ветром, кто-то даже шел спиной. Никита пригляделся — за аллеей видно было площадь перед краеведческим музеем. Фонтан молчал. Когда свернули и внизу улицы показался угол библиотеки, Никита увидел Волгу — она дрожала серебром, переливалась, тянулась к противоположному берегу, на котором вставали над деревьями фантастические, пугающие своими размерами ветряки.

Ветряки медленно вращали лопастями. Долговязый показал на них и прокричал что-то сквозь ветер, но Никита не разобрал, что именно.

В холле библиотеки, у гардероба, стояли Алиса Селезнева и второй долговязый — долговязый-без-очков.

— Вспомнила! — закричала Алиса Селезнева, бросаясь навстречу. — Вспомнила!

Она затрясла не успевшего прийти в себя долговязого-в-очках.

— Смолу! Смолу ели!

Долговязый-в-очках, с красными щеками, отдувающийся, долго переваривал услышанное, жался к гардеробу — подальше от двери — а потом стянул с головы шапку и подбросил ее победно.

Двери открывались и закрывались — ветер врывается волнами, рассыпался, шевелил разложенные на стойке буклеты.

Библиотека гудела, точно улей, по всем лестницам вверх-вниз бежали молодые литераторы, рассаживались в залах, перекрикивались. Со второго этажа тянуло горячим кофе. Никита вручил шапку и пакет с лимоном гардеробщице, запетлял по коридорам, переходам и лесенкам — дважды решал, что заблудился, спрашивал дорогу у тетушек-библиотекарей, извинялся, заглядывая в чужой семинар — и, наконец, ввалился в тесный, заставленный стеллажами зал, в углу которого, у окна, стояли сдвинутыми два стола в окружении невысоких школьных стульев. Обсуждение уже началось, все блокноты были открыты, по столу ходили из рук в руки распечатки. Никита извинился и сел на единственное свободное место.

Обсуждали молоденькую поэтессу, совсем еще девочку, лет девятнадцати-двадцати. Обсуждали деликатно, сглаживали углы, больше советовали, нежели критиковали, приводили в пример классиков, но девочка сидела вся пунцовая, волновалась, мяла тонкие пальцы, пыталась что-то записать дрожащей рукой, и глаза у нее блестели. В зале пахло, как в книжном шкафу, было тихо, тоненько свистел в неплотно закрытую форточку ветер. Окно выходило во двор, смотрело на выгибающийся буквой «Г» второй корпус, в нескольких залах горел свет, и можно было видеть, как в них сидят вокруг сдвинутых столов, пишут, склонившись к блокнотам, раскачиваются на стульях, объясняют что-то, жестикулируя. Над библиотекой тянулись вереницами облака, спешили куда-то, громоздились друг на друга. Волги видно не было, но во всем — в облаках, в порхающей по двору листве, в тоненьком свисте ветра, в горящих окнах библиотеки — во всем чувствовалось ее таинственное властное присутствие.

Когда подошла очередь Никиты, он замялся, зашел издалека, заговорил на общие темы, взялся цитировать Тютчева и перепутал слова. Девочка-поэтесса смотрела на него умоляюще, закусив верхнюю губу, кивала невпопад и один раз промакнула глаза

сиреневым платочком, чем повергла Никиту в ужас — он стал заикаться, покраснел и совсем потерял нить, а когда закончил, сидел с виноватым видом, выводил в блокноте каракули и считал минуты до перерыва.

И в горле опять першило. Никита стал думать о лимоне, оттягивающем пакет на вешалке, о пластиковых стаканчиках с дымящимся кофе — на втором этаже, о булькающем кулере у лифта.

— Не бойтесь критиковать, — говорил ведущий. — Нужна жесткая школа, нужен дискомфорт, преодоление! Знаете, как мэтров критиковали? Знаете?